

Эта странная любовь

Мы видим то, что хотим видеть.

Это я услышала от своего мужа Сиды. Он частенько говорил, что иногда мы видим что-то, а иногда просто предпочитаем не смотреть. Иногда мы просто закрываем глаза.

Это история о том, как я не смотрела.

И о том, что порой любовь не является всепобеждающей и для нее есть непреодолимые преграды.

Да и как можно увидеть любовь? Любовь отнюдь не представляет собой нечто хорошо различимое и отчетливое. Иногда, конечно, она податлива и понятна, но также может быть странной, непостижимой, аморфной. И очень даже часто любовь — это в действительности вовсе не она. Ее границы становятся расплывчатыми, и тогда вопрос заключается уже только в том, чтобы как-то выжить. Она сначала заключает нас в свои теплые объятия, а затем швыряет на пол.

Она для нас благословение или проклятие? Я бы сказала, что это спорный вопрос. Дискуссионный. Поэтому я не могу дать однозначный ответ, но я могу рассказать вам это...

Это — история об уродливой и грубой любви. О такой любви, которая ослепляет.

О любви, с которой вы можете и не выжить.

Сейчас: точка отсчета времени

Когда мы прибываем на территорию больницы, на горизонте за холмами уже брезжит свет. Однако, судя по всему, день будет пасмурным.

И надеяться в этот день не на что.

Мои глаза чешутся и слезятся: они воспалены от усталости и дыма. Я тру их, но от этого становится только хуже.

Женщина, сидящая рядом со мной в машине скорой помощи, что-то говорит, но, похоже, несет какую-то чушь. Я не понимаю слов, которые она произносит. Я бы ей что-то ответила, но не могу сейчас даже сглотнуть. В голове пульсирует, горло — как наждачная бумага, во рту — вкус пепла и вины.

Эта женщина все еще одета в домашний халат. Он из розового велюра, однако розовым его уже не назовешь. Она бледная, ошеломленная. Ее лицо — в слезах и саже. У меня, наверное, точно такой же вид.

Но мне наплевать на то, какой у меня сейчас вид.

Единственное, чего я хочу, — это знать, где находится Эмили.

Никто не смог мне этого сказать. Не было ничего, кроме хаоса: некому задать вопрос, не у кого получить разъяснения. Лишь всеобщее смятение и паника. Полицейские, наконец-то прибывшие на место происшествия, были слишком заняты тем, что пытались оттеснить всех на дорожку за пределами территории отеля. Мы с нарастающим отчаянием наблюдали, как языки пламени все растут и поднимаются так высоко, что их видно над ограждениями. Густой черный дым клубился среди крон деревьев, горящие щепки летали на ветру. Мы наблюдали за всем этим, пока полицейские не заставили нас спуститься вниз по дороге и зайти в помещение, похожее на сельский клуб. Там мы стали ждать, когда приедут машины скорой помощи.

Парамедики уверяют нас, что вскоре все прояснится, что из больницы скоро поступят сообщения о наших друзьях и родственниках и что нам нужно «лишь немножко подождать»: «Подождите еще чуть-чуть, проявите терпение».

А я в ужасе. У меня в животе — ноющая боль, которая меня изводит. Мне необходимо найти Эмили, а затем уехать отсюда. Удрать к чертовой матери, прежде чем меня найдут.

В еще больший ужас меня приводит мысль о том, что я, возможно, уже *никогда не увижу* Эмили.

События этого вечера снова начинают мелькать перед моим мысленным взором и затем замирают на каком-то моменте, прокручиваются назад, воспроизводятся снова и снова. Языки пламени лижут стену, дым просачивается сквозь щели под дверями. Жара, нехватка воздуха.

Я обхватываю свою пульсирующую голову ладонями, чтобы остановить безжалостный поток образов, но это не помогает.

— С вами все в порядке, милая? — Лысеющий парамедик протягивает руку и аккуратно приподнимает мой подбородок пальцами так, чтобы видеть мое лицо.

— Да, — хрипло отвечаю я, хотя в действительности это неправда. — Спасибо.

— Рука болит? — Он показывает на мою перебинтованную ладонь.

— Немножко. А еще у меня болит горло и очень сильно — плечо.

Заговорив, я тут же закашлялась. Он рассматривает мое лицо. Я, в свою очередь, рассматриваю его короткие густые ресницы, похожие на щетину зубной щетки.

— Что-нибудь еще? Тошнота? Головокружение? Головная боль?

Мне хочется схватить его за руку и держаться за нее. Если я этого не сделаю, я могу потерять сознание.

— Я чувствую себя хорошо.

В действительности мне в жизни еще не было так плохо.

— Понятно. — Он отпускает мой подбородок. — Не делайте резких движений, ладно? Вы сейчас как раз там, где нужно. Вас проверят, не наглотались ли вы дыма.

Но на самом деле я совсем не там, где нужно.

Когда парамедики открывают заднюю дверь машины скорой помощи, чтобы мы могли выйти наружу, нас тут же ослепляет флуоресцентный свет отделения неотложной помощи больницы. Я жмурюсь и, с трудом ориентируясь в окружающем пространстве, выбираюсь из автомобиля.

Я похожа на овцу в стаде, которая слепо идет за остальными, натываясь на тех, кто шагает впереди нее. Начинает петь какая-то одинокая птица, затем она замолкает. Сегодня отнюдь не тот день, когда должны звучать радостные песни.

В дверях больницы уже толпятся журналисты из отделов новостей. Я захожу внутрь, следуя за другими людьми. У меня во рту резкий привкус. Привкус дыма.

У основания лестницы, по которой все начинают подниматься, я останавливаю медсестру в голубой униформе, поспешно спустившуюся к нам. Вид у нее мрачный.

— Я ищу Эмили Саутерн, — говорю я. — Не подскажете, как мне ее найти?

— Кого? — хмурится медсестра.

— Мою подругу. Пострадавшую от недавнего пожара.

— Я не уверена, что смогу вам помочь. — Медсестра трясет своими светлыми волосами, собранными на затылке в хвостик. — Извините. Вам необходимо оставаться вместе со своей группой. Думаю, кто-нибудь скоро придет и поговорит с вами.

Она поспешно уходит прочь.

Я сижу в комнате с другими людьми до тех пор, пока это не становится невыносимым. У меня болит ладонь, и никто из медперсонала до сих пор не пришел. С нами находится лишь один задумчивый молодой санитар. Он для нас скорее надзиратель.

— Сюда уже вот-вот придет полиция, — то и дело повторяет он.

Вид у него весьма встревоженный. Женщина, которая сидела рядом со мной в машине скорой помощи, плачет. Крупный мужчина разговаривает по мобильному телефону.

— Просто приезжай и забери меня, — говорит он.

Санитар пытается кому-то позвонить, но, похоже, и ему никто не может помочь.

— Пожалуйста, не плачьте, — говорю я рыдающей женщине. — Все будет в порядке.

Но у меня самой такое ощущение, что все не будет в порядке. Не будет. Кто-то приносит нам чай, но мне совсем не хочется его пить. В груди засел страх. Я на грани истерики. Перед моим мысленным взором — языки пламени, лижущие дверь. Я несколько раз встаю и сажусь, пока до меня наконец не доходит, что мне необходимо выйти из этого помещения.

На мне моя пижама и кофта Эмили. У меня есть мобильный телефон, батарея в котором давно разрядилась. Больше у меня ничего нет.

Я открываю дверь.

— Пожалуйста, оставайтесь здесь, мисс, — говорит санитар. — Через минуту-другую кто-нибудь придет и поговорит с вами.

— Мне просто нужно в туалет, — вру я.

— Хорошо. — Он пожимает плечами. — Туалет дальше по коридору.

Выйдя из комнаты, я поворачиваю за угол. Чуть дальше двое полицейских разговаривают с женщиной, одетой в белый халат. Они беседуют вполголоса — так, как будто не хотят, чтобы их кто-то услышал, — а потому у меня невольно возникает желание остаться незамеченной. Я, задержав дыхание, медленно пячусь назад.

Подождав немного за углом, я осторожно выглядываю из-за него.

Один из них держит в руках какой-то список.

— Правильно. То есть это Питер Грейвс. Бедняга. — Он что-то помечает в списке. — А Лори Смит, вы говорили? — спрашивает он затем.

«Я здесь», — едва не кричу я и делаю шаг вперед.

— Лори Смит погибла? — уточняет он, поднимая взгляд от списка на женщину. — Вы уверены?

Я замираю.

— Боюсь, что да, — кивает женщина, и ее длинные волосы, аккуратно собранные в хвостик, слегка покачиваются. — Доставлена мертвой. В жутком виде.

Полицейский снова что-то помечает в списке.

— А та женщина, которая проживала с ней в одном номере? — Второй полицейский бросает взгляд на свои бумаги. — Кажется, Эмили Саутерн. Что-то вроде этого. Если, конечно, чертов список составлен правильно. В этом отеле относились ко всему невообразимо халатно.

— Погибла только одна женщина. — Врач отхлебывает кофе из своей чашки и вытирает рот. — И те двое мужчин, о которых мы уже говорили. Кроме того, уборщица все еще в отделении интенсивной терапии. Думаю, мы это так или иначе выясним в течение ближайших нескольких часов. — Она говорит небрежным тоном. Ужасно небрежным. — Обычно это происходит довольно быстро.

Из своего укрытия я вижу, как полицейский с рыжеватыми волосами что-то пишет в блокноте.

— Думаю, могло быть и хуже, — говорит он. — При пожаре такого масштаба.

— Да, слава богу, — соглашается врач. — Несколько человек пострадало, но они даже в состоянии ходить. Могло быть *на много* хуже.

Мое сердце бьется так быстро, что, кажется, вот-вот разорвется на части. Чтобы не рухнуть на пол, я опираюсь о стену.